

Мария Ватутина

Жизнь обратима

* * *

В своей небесной кузне (дзинь-да-дзинь,
Да в воду пшшшш, да снова в горн нетленный),
Творец всего — приумножает жизнь
По разным оконечностям Вселенной.

Опять вон там над бездной встала тьма,
И суша появляется, и воды.
Он ставит оттиск старого клейма
И вешает на крюк её, под своды.

В Лефортове, в Немецкой слободе,
В Москве, в России, что одна шестая,
Здесь, на Земле, но, в общем-то, везде
Живу я, взглядом в космос прорастая.

Ну, то есть я — практически микроб,
Но только поумней и понахальней —
Я! — часть Вселенной! — прикрываю лоб
При взмахе молотка над наковальной.

И эти звёзды, коим нет числа,
Они — мои, до самой заваливающей,
И то, что в этом мире я была,
Не мог не видеть Млечный путь над чашей.

И я могу, спасибо кузнецу
(и это знаю только я, похоже),
Гуляя по Бульварному кольцу,
Передвигаться по Вселенной тоже.

Ватутина Мария Олеговна — поэт. Родилась и живет в Москве. Окончила Московский юридический институт и Литературный институт им.А.М.Горького. Работала юристом, адвокатом, журналистом. Автор десяти поэтических книг. Победитель Первого всероссийского турнира «Красная площадь. Время поэтов» (2016), лауреат многих литературных премий.

* * *

Что было — раздала и сушит вёсла,
Ладонями наверх, разверзнув чресла,
Сидит она, и жизнь её погасла,
И смерть её прокисла.

Всё отдала, что было, до кровинки.
Подкладку, и подшёрсток, и брюшину,
Разъята снизу на две половинки,
Расщеплена впускать в себя мужчину.

Мужчиной разродившаяся после,
Собой кормила сытно в годы постны.
Всё отдала, сидит и сушит вёсла.
А по небу плывут чужие вёсны.

А эта вот — ничейная маячит.
Присвоит, оживёт, переиначит,
И кровь её запенится по жилам,
И запоёт — не снилось старожилам!

Сожмётся, словно скомканный платочек:
Ай, слава богу, не случилось дочек!
И, втягивая воздух черноземный,
Расправит крыльев парашют резервный!

И ничего, что в скомканной России
Её для лёгкой жизни не спросили,
Ну, просто мало равных ей по силе,
Чтоб от такой бессмертие вкусили.

* * *

Знаю, знаю, не во мне, не вовне,
Знаю, правда — на твоей стороне.
Знаю, знаю, где твоя сторона,
Не страна она теперь, а война.

Хлебосольные твои земляки
Побросали гарбузы, бураки,
Собирают по садам в хуторах —
Человеческие смерти и страх.

Даже если и живёшь стороной,
Ты страдаешь внутривенной войной,
Ибо замысел у Бога таков:
Кровь одна у всех у нас, земляков.

Запорошена, черствеет земля.
Заморожена, чернеет заря.
Перестрелка, артобстрел, снайпера.
Не рыдай. Уже привыкнуть пора.

Дача Пильняка

Чёрный ковёр и железные полочки.
Светит Луна. Комары.
Шкалик на письменном. Тихое *сволочи!*
Цедишь в чужие миры.

Нет тебя, страшного. Все похоронены,
Кто в этом доме живал,
Кто здесь наездами с умершей родины
В лунной фате танцевал.

Так танцевала и я, пересмешница,
Вдрызг изводя зеркала.
Тестом всходила. С постели, безгрешница,
Белой Данаей звала.

Ночью холодной — горячие простыни,
Смятые потные сны.
С дальней веранды — нечаянной поступи
Тихие всплески слышны.

Первый помещик советского дачного
Замка в сосновом углу?
Анна играет клубами табачного
Дыма, халат на полу?

Ты ли, последний герой, в окружении
Призраков этих ночных?
Я ли в оконном тебе отражении,
Неутолённый жених?

Или проклятье из уст Иокастовых
Бродит по дому в ночи?
Кто там? Да кто там! Пород этих карстовых
Тяжкий скиталец? Молчи.

Что за собор мы устроили, мёртвые,
В этом скрипучем гнезде?
Воспоминаньями к стенкам припёртые
Тени. Круги на воде.

* * *

В тёмном углу Вселенной
Койка, на койке плед.
Лампы стальной настенной
Льётся бессильный свет.

Прут времена чредою
Мимо прозрачных стен.
Но не живет мечтою
Тот, кто на койке тлен.

Слабеньким кровотоком
Внемлет большим вестям,
Чуя каким-то боком:
Катится всё к чертям.

Не потому, что взглядом
Тыркается в провал,
А потому что адом
Жизненный опыт стал.

Скрученный эмбрионом,
С тикалкой у виска,
С вечным речным Хароном
С пятой минуты сна.

Кроме него о смерти
Не с кем и позевать.
Третье тысячелетье.
Четвёртому не бывать.

* * *

Денег нет... да их и не было...
Счастье — есть. Но так... вообще...
Видно, Бога я прогневала.
Персонально — я. В плаще.

В брюках этих облегающих.
Говорила мать: ни-ни.
В муках этих обжигающих,
От лукавого они.

Вот жила бы тихо замужем:
Дети, кухня, огород.
Нет, к словарным древним залежам
Предъявила крупный счёт.

Над Москвой зима сутулится,
Дышит в тонкий родничок.
Я ещё могла бы втюриться,
Если б Боженька помог.

Только я у Них на галочке,
Не сказать «под колпаком».
Из любой любовной лавочки
Выхожу порожняком.

Лёд скорлупками яичными
Под ногами хрусь да хрусь...
Может быть, тогда — наличными.
Дальше я уж разберусь.

* * *

Не бойся старости, не бойся.
Устройся у камина в холле
И пледом в клеточку накройся,
И ногу на ногу. Не боле.

Молись и ты на оба края
Беспомощности этой ложной,
Телесности не ощущая,
Ступая цаплей осторожной.

Когда ты встанешь поразмяться,
Прорвав земное притяженье,
Поймёшь: по сути, не разнятся
Два края жизни, два рожденья.

О, не шепчи поверх дыханья,
Когда выходит старец к люду
Великой поступью прощанья:
— Неужто я таким же буду?

Сквозь толщу дней своих тревожных
Мы возвращаемся в младенцев
С дрожаньем в мышцах икроножных
И немотой переселенцев.

Поймёшь и ты у поворота,
Как древний галл в предместье Рима:
Жизнь обратима, и всего-то.
Жизнь обратима.